

«НАС ВСЁ КОРЕЛЯКАМ ЗВАЛИ, А МЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА НЕ ЗНАЕМ...»:

субэтническая группа валдайских карел
в XX и начале XXI в.*

А. А. БЛАНДОВ,

аспирант Института истории

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, РФ)

До революции карелы являлись одним из наиболее многочисленных финно-угорских народов Российской империи. Они проживали на территории Олонецкой, Архангельской, Тверской, Новгородской, Калужской и других губерний России. В частности, на юго-востоке Новгородчины, в окрестностях г. Валдая (сегодня это преимущественно территория Валдайского, Демянского и Окуловского районов Новгородской области), существовала особая субэтническая группа валдайских карел, представители которой общались на специфическом валдайском говоре карельского языка.

Известно, что переселение карел на Новгородские земли началось в первой половине XVII столетия, а к началу XVIII в. вокруг Валдая в целом сформировались кусты деревень с карельским населением [2, 66–67]. Однако одновременно стали проявляться и первые признаки обрусения рассматриваемой субэтнической группы.

Надо полагать, что уже к концу XVII в. значительная часть мужского населения «карельских деревень Валдайской округи» была двуязычной. Карельские каменщики и кирпичники наряду с жителями русских деревень участвовали в строительстве Валдайского Иверского

монастыря, а затем Новоиерусалимского монастыря под Москвой, а в XVIII в. трудились на строительстве различных объектов в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Дальнейшее распространение отхожих промыслов, развитие транспортной инфраструктуры региона (строительство Московского шоссе и Николаевской железной дороги), посещение церковных служб на русском языке, обучение в русскоязычных школах и в целом проживание в окружении русского населения не способствовали языковой изоляции валдайских карел.

В 1860-е гг. относительно жителей деревень Наволокского прихода, располагавшегося к юго-востоку от Валдая, сообщалось: «Все прихожане кореляки, впрочем со сторонними людьми хорошо говорят и по-русски. Было, говорят старики, время, когда здешние жители не знали ни одного слова русского; есть даже и теперь старики, которые худо говорят по-русски и мешают в русскую речь много своих карельских слов» [1, 113]. Похожую картину рисует описание 1881 г.: «В Валдайском уезде живут, между прочим, карелы, которые все исповедуют православную веру и говорят по-русски, но между собою придерживаются еще до сих пор природного племенного наречия. По коверканью на свой лад русских слов они сразу обличают свою национальность, хотя по внешнему виду во всем похожи на настоящих русских людей» [4, 488].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Валдайские карелы: историко-этнографическое исследование», проект 14-51-00010.

Спустя несколько десятилетий ситуация изменилась. Финский ученый Ю. Куйола, проводивший в 1910 г. лингвистические исследования в Валдайском уезде, отметил, что на тот момент в ряде обследованных им деревень по-карельски могли говорить лишь люди пожилого возраста [13, 33–34]. В 1913 г. эту информацию подтвердил К. Лебедев: «Население [Валдайского уезда]... состоит главным образом из русских, хотя местами встречаются и карелы... например, в Ивантевской, Дворецкой и других волостях. В настоящее время карелы сильно обрусели, так что отличия их при смешении с великорусским элементом все более сглаживаются» [3, 15]. Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что к началу XX в. процесс ассимиляции субэтнической группы валдайских карел приобрел необратимый характер.

В результате уже в 1910–1920-е гг. даже в тех деревнях, которые воспринимались окрестным русским населением «чисто карельскими» (например, Скородка (Окуловский район), Середея (Валдайский район), Климово (Демянский район)), были как карелоязычные жители, так и люди, совершенно не знавшие карельский язык. Конечно, можно предположить, что население перечисленных деревень изначально было этнически неоднородным. Однако очевидно и то, что к обозначенному времени многие карелы утратили свой родной язык. Так, в 1910-е гг. сообщалось: «В деревне Ивантееве, как стоящей на почтовом тракте, разговорный язык – русский, и только пожилые говорят чисто по-карельски; молодежь стесняется, считает русский разговор лучшим» [7, 55]. Не удивительно, что к началу XX в. в изучаемом регионе весьма распространенными стали смешанные браки, а у находившихся в карельских деревнях на воспитании приемных (так называемых «казенных») детей из Санкт-Петербургского воспитательно-го дома уже не было необходимости учить карельский язык.

Заключительную стадию ассимиляции валдайских карел застал эстонский языковед П. Аристэ, организовавший в 1951 и

1952 гг. две лингвистические экспедиции в Новгородскую область [10]. Его начинания продолжила П. Пальмеос, которая констатировала, что к началу 1960-х гг. в Валдайском районе карельским языком владели всего около 50 чел. пожилого возраста [12, 4]. Наконец, к концу XX в. валдайский говор карельского языка был признан утраченным. Его последняя научная фиксация была сделана А. В. Пунжиной в 1990 г. [9, 6]. Через четыре года С. А. Мызникову уже не удалось найти здесь ни одного карелоговорящего жителя [6, 167].

Все исследователи XX в. обращали свое внимание в первую очередь на особенности говора валдайских карел. В этнографическом же отношении данная субэтническая группа осталась практически неизученной, а в связи с ее языковой ассимиляцией в начале 1990-х гг. исследования в этом направлении прекратились вовсе.

Сбор материала по данной теме был начат нами в 2010 г. и проводился в рамках нескольких всероссийских комплексных экологических экспедиций «Живая вода» и в ходе многочисленных самостоятельных выездов. За пять полевых сезонов были обследованы 64 населенных пункта в Валдайском, Окуловском, Демянском и Крестецком районах Новгородской области, а также в Бологовском районе Тверской области.

Как и следовало ожидать, все опрошенные нами уроженцы некогда карельских поселений сегодня с уверенностью называют себя русскими и не владеют языком предков, хотя среди их близких родственников могли быть «чистокровные карелы», носители карельского языка. Лишь в редких случаях в памяти людей сохраняются отдельные карельские слова, выражения и небольшие фрагменты песен. Характер записанной нами лексики (*luzikka* – ложка, *leibä* – хлеб, *lehmä* – корова, *kana* – курица и т. д.) свидетельствует о том, что наши собеседники усвоили ее в раннем детстве. За время работы удалось встретить только двух человек (1919 и 1929 гг. рождения), которые когда-то понимали карельский язык. Однако и они сегодня им уже

не владеют. Одна из местных жительниц призналась: «Я всё понимала, теперь всё забыла... Я говорила со старухам, да, понимала всё абсолютно» (Окуловский район, д. Боровно, 2011 г.).

Судя по воспоминаниям информантов, в большинстве деревень карельский язык использовался в качестве средства общения вплоть до Великой Отечественной войны, а последние знавшие язык люди ушли из жизни к концу 1950-х гг. Однако в некоторых населенных пунктах язык, по всей видимости, был утрачен раньше. Например, в д. Софрониха, располагавшейся в непосредственной близости от Валдая, карелоговорящие жители отсутствовали уже в 1920-е гг. К 1930-м гг. аналогичная ситуация сложилась в деревнях Станки, Борисово, Большое Уклеино, Савкино (Валдайский район), Залужье (Демянский район) и др. Хотя некоторая память об иноэтничном прошлом там еще сохранялась: «Вот Исаково за этой деревней, вот это корела, чистая корела... Они и говорили по-карельски... А у нас-то, вот, я знаю, у нас никто не говорил по-карельски... В Залужье – никто. Но мама говорила, что тоже было когда-то как карелы» (Демянский район, д. Пестово, 2014 г.). Кроме того, за некоторыми жителями этих населенных пунктов сохранялось прозвище «кореляки»: «Вот дед наш, мой то есть, дед Василий... дак вот кто-то, я не помню, называл деда этого нашего, вроде, тоже как кореляком. А шут знает, почему» (Валдайский район, д. Савкино, 2014 г.). Осмелимся предположить, что среди людей с такими прозвищами были носители карельского языка, которые, однако, уже не употребляли его в повседневном общении. Так, многие наши информанты узнали о своих карелоговорящих соседях и родственниках лишь в середине XX в., когда в местные деревни были переселены финны из-под Ленинграда, для коммуникации с которыми старики стали использовать карельский язык.

Обращает на себя внимание тот факт, что в XX в. носителями карельского языка были преимущественно женщины. «Бабки все по-карельски ля-ля-ля-ля-ля-

тополя, а мужики всё по-русски говорили», – отметила уроженка д. Сковородка (Окуловский район, д. Боровно, 2011 г.). Мужчины, чья жизнь проходила преимущественно в русскоязычной среде (отхожие промыслы в Санкт-Петербурге, добыча строительного камня, производство извести и т. д.), как правило, уже считали себя русскими и иногда даже запрещали разговаривать в своих семьях по-карельски: «Бабушка из Заручевья родом, говорила по-карельски. Дед... из Большой Крестовой, не знал по-карельски, запрещал бабушке говорить по-карельски, называл ее дикой корелой» (Окуловский район, д. Стегнуво, 2013 г.); «А бабушка... она даже карельский язык знала, умела говорить по-карельски... Но она, понимаете ли, у нее муж был русский, она стеснялась даже по-карельски говорить» (Валдайский район, д. Гвоздки, 2013 г.). В связи с этим люди, родившиеся в 1900-е гг., в основном уже не могли свободно изъясняться на карельском языке: «Бабушка с Новой деревни была моя... она карелкой была... Мама, мама... не говорила... туда возили еённу, так она... не хотела, она понимать – понимала всё по-карельски, а разговаривать – не разговаривала» (Валдайский район, д. Байнево, 2014 г.); «Мать наша, она понимала [карельский язык], но говорить – не говорила. Придет старуха, баба Маша такая Прялкина... начнет говорить по-карельски, мать слушает, а отвечает ей по-русски, не говорила по-карельски» (Окуловский район, д. Мельница, 2011 г.).

Впрочем, в некоторых населенных пунктах разговорный карельский язык сохранялся дольше. Например, в д. Новая язык знали даже люди 1910-х гг. рождения: «Самая старшая [моя сестра] знала язык, вот, и понимала... Вот [с] десятого года... С четырнадцатого года сестра тоже понимала, а другие, вот (нас было шесть сестер всего), и они уж и не знали, вот, язык» (Валдайский район, д. Новая, 2014 г.). Но дольше всего карельский язык бытовал в наиболее отдаленных и труднодоступных деревнях на границе Валдайского и Демянского районов Новгородской области. Еще в 1960-е гг. там можно было

встретить людей, почти не говоривших по-русски. Именно в этих населенных пунктах во второй половине 1950-х гг. проводила свои исследования П. Пальмес-ос. Ей удалось побеседовать с 12 носителями карельского языка в трех деревнях Валдайского района (Небылица, Яконово и Марково) [12, 3–4]. С некоторыми из тех людей в 1983 и 1990 гг. успела пообщаться другая исследовательница – А. В. Пунжина [9, 6].

Судя по нашим данным, последние носители валдайского говора карельского языка ушли из жизни в 1990-е гг. Впрочем, не имея постоянной языковой практики, некоторые из них в старости уже не могли свободно говорить по-карельски. «Мой отец знал карельский... Ну, поскольку старшее поколение повымерло, общаться не с кем было по-карельски, так он стал забывать. Так-то в начале он хорошо знал», – рассказывает о своем отце (1899–1993) житель д. Борцово (Валдайский район, д. Борцово, 2014 г.).

Большинство информантов не застали здесь активного бытования карельского языка и других элементов карельской культуры, поэтому, отвечая на наши вопросы, нередко заявляли, что «кореляки» ничем не отличались от русских: они отмечали те же праздники, что и жители русских деревень, носили такую же одежду, выращивали те же сельскохозяйственные культуры, имели такие же канонические имена, карельские формы которых (например, Анни вместо Анна, Миккула вместо Николай) уже мало употреблялись.

Как удалось выяснить, память о карелах сохраняется в регионе до сих пор. Но в некоторых деревнях представители даже самого старшего поколения местного населения уже ничего не помнят о своем иноэтничном прошлом. В другом положении оказались населенные пункты, за жителями которых закрепились коллективные прозвища «корела», «кореляки». Любопытно, что в отношении целого ряда деревень такие прозвища употребляются до сих пор, несмотря на то что собственно карелами там давно никто себя не считает. «Нас всё корелякám звали, а мы карельско-

го языка не знаем, а всё карелы, карелы да карелы», – рассказывает жительница д. Сковородка (Окуловский район, д. Сковородка, 2011 г.). «Да вот как-то нас называют, как начнем куда ездить, вот <...>: “Это карелка, это с карельской стороны”», – дополняет ее уроженка д. Серганиха (Валдайский район, с. Едрово, 2014 г.).

Примечательно, что многие местные жители уже не воспринимают «кореляков» как отдельную этническую группу, полагая, что это лишь прозвище жителей той или иной деревни: «Кореляки они все русские, но просто их прозвали вот. Вот скобари (прозвище жителей д. Ивановка. – А. Б.) ведь скобы гнули, дак их и прозвали скобари. А это чё, я не знаю, чё их прозвали кореляками, не знаю» (Валдайский район, д. Ивантеево, 2014 г.). «Харитониha, Наволок, Гвоздки... вот это корелякám, корелякám их называли... они всегда, бывало, ехали на лошадях, колоколки бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум, никогда не снимут, не заткнут колоколки... их называли почему-то корелякám... такое прозвище было им, я не знаю, почему» (Валдайский район, д. Новая Ситенка, 2014 г.). «Кто такие карелы, мы не знаем. Обычно говорили: “В Корелу поехали!”», – а на самом деле такого народа-то и не существует, это просто, по-моему, место такое – звали Корела, да и все... это просто место так называется» (Валдайский район, д. Добывалово, 2013 г.).

Действительно, разнообразные коллективные прозвища имели жители очень многих деревень региона. Среди этих прозвищ встречаются и такие, в которых усматриваются карельские корни, например: *миды/мёйды* (Окуловский район, д. Стегново), *лólлы* (Валдайский район, д. Старина) и т. д. Отдельно нужно выделить лексему *гóрма*, употребляющуюся в качестве прозвища жителей Демянского района и некоторых деревень в окрестностях Валдая и на сегодняшний день утратившую свое первоначальное значение (у тверских и тихвинских карел лексема *horma* использовалась как синоним слова «русский») [6, 168–169; 8, 56; 11, 311]. Карельскую этимологию имеют некоторые личные

прозвища местных жителей, например *Линда* (от кар. *linda* ‘гороховая или толокняная каша’), а также ряд распространенных в этой местности фамилий: *Буккины* (от кар. *rukki* ‘козел’), *Шуккины* (возможно, от кар. *šukka* ‘чулок’), *Гормины* (видимо, от упоминавшейся выше лексемы *horma*), *Койвиковы* (от кар. *Koivikko* ‘березняк’) и др.

Как видно, несмотря на полную языковую ассимиляцию, карелы не исчезли из региона бесследно. Еще одно тому подтверждение – бытование в изучаемой местности карельских блюд (*сканцы*, *сильчины*, *кокорки*, *кукки*). Кроме того, в местные русские говоры прочно вошли некоторые карельские слова. Помимо упоминавшихся выше назовем следующие: *кутька/кутя* (от кар. *kuwti* ‘долбленка’), *тегря/кегря/тегра* (от кар. *kegri* ‘черт’), *горма* (в значении ‘таволга’), *карзина* (от кар. *karžina* ‘подполье’; С. А. Мызников, впрочем, связывает происхождение этого слова с докарельским субстратным влиянием вепского языка [5, 300]) и др. Сюда же следует отнести лексемы *лódма* (от кар. *lodma* ‘низина’), *лámба/лámбушка/лámбуха* (от кар. *lambi* ‘небольшое озеро’) и *брúда* (от кар. *bruwdu* ‘пруд’), которые часто встречаются в виде названий географических объектов, но также известны и как имена нарицательные. Одни из этих слов довольно широко распространены, другие используются только в некоторых (преимущественно карельских) деревнях. При этом общий объем заимствованной из карельского языка лексики невелик.

Намного больше лингвистического материала дает изучение местной микротопонимики, которую С. А. Мызников справедливо называет наиболее собственно карельским сохранившимся реликтом, не утратившим фонетические особенности валдайского говора карельского языка [6, 170]. Меньшую часть выявленных нами топонимов составляют простые односоставные названия: *Кивикка* (от кар. *kivikkö* ‘каменистое место’), *Ламбузи* (от кар. *lambi* ‘озеро’), *Куя* (видимо, от кар. *kujo* ‘проулок’), *Шара* (от кар. *šara* ‘осока’). Чаще встречаются двусоставные топонимы,

в которых фигурируют следующие топоформанты: *-гавда* (от кар. *hawda* ‘яма’): *Гуккагáвда*, *Кугдыгáвда*; *-вара* (от кар. *vara* ‘гора’): *Лéговáра*, *Тíмавара*; *-ламби* (от кар. *lambi* ‘озеро’): *Мундалáмби*; *-шилда* (от кар. *šilda* ‘мост’): *Гáушилда*; *-шельга* (от кар. *šelgä* ‘кряж’): *Пéскушéльга*. Удивительно, но практически отсутствуют названия-полукальки, где бы карельский топоформант заменялся русским синонимом. Таковыми вряд ли могут быть признаны топонимы с формантами *-луга/-луги* (*Ярвилу́га*, *Кéшкилу́ги*), *-гора* (*Ры́гагóра*, *Винагóра*) и *-ручьа* (*Мудару́чьа*). По всей видимости, лексемы *loga*, *goga* и *ruwšča* давно вошли в валдайский говор карельского языка, хотя, безусловно, некоторые карельские географические названия со временем подверглись фонетической трансформации, в результате которой получили более привычное русскому человеку звучание: *Шáвигóрка*, *Пéжару́чей*, *Кивиру́чей*, *Мáдалáмба*, *Кáнгушки* и т. д.

На сегодняшний день одни карельские названия активно употребляются (в том числе дачниками) и не воспринимаются сколько-нибудь чужеродными, другие на практике не используются и сохраняются лишь в памяти старожилов. Полная утрата карельской топонимики уже произошла в деревнях Станки, Борисово, Большое Уклеино (Валдайский район), Хмелевка (Бологовский район), где нами были выявлены лишь названия, которые имеют явное русское происхождение. Еще в нескольких населенных пунктах (деревни Рассвет (Окуловский район), Козлово, Савкино (Валдайский район)) встречены единичные карельские географические названия на фоне преобладающей русской топонимики. Отметим также, что в большинстве случаев карельские топонимы известны только в рамках одной или нескольких соседних деревень (все более или менее крупные географические объекты, а также все населенные пункты имеют русские наименования).

В заключение повторим, что, несмотря на сохранившиеся реликты карельского языка, сегодня многим местным жителям вообще ничего не известно о карельском

прошлом региона. В тех деревнях, где отсутствуют представители самого старшего поколения, о карелах уже никто не может сказать ничего определенного. Например, информанты 1950-х гг. рождения из д. Сухая Ветошь (Валдайский район), где носители карельского языка проживали по крайней мере до первой половины прошлого века, с трудом смогли вспомнить, что их деревня некогда называлась Корельские Новики. С аналогичной ситуацией мы столкнулись в д. Наволок (Валдайский район), жители которой легко могут указать на соседние карельские поселения (Рудово, Старина, Костелево и т. д.), но свою деревню считают русской (хотя в XIX в. она именовалась Корельским Наволоком, и, судя по официальным данным, карелы в ней проживали еще в 1950-е гг. [12, 3–4]). Кроме того, очень часто информанты не различают истари проживавших в регионе карел и финнов-

ингерманландцев («карело-финнов»), переселенных на Валдай в середине прошлого века. В отдельных случаях карел также путают с эстонцами, поселившимися в исследуемом районе в конце XIX в.

Также нельзя не отметить, что наши расспросы про карел, как правило, не вызвали живого интереса у собеседников. На большинство вопросов у них отсутствовали заранее готовые стереотипные ответы. Следовательно, «карельская» тема редко или вовсе никогда не поднимается в их повседневном общении. Более того, история и культура валдайских карел практически не отражена в экспозициях местных краеведческих музеев и на страницах популярных краеведческих изданий. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, в ближайшее время можно прогнозировать утрату всякой памяти о карельском прошлом большинства населенных пунктов.

Поступила 22.08.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Богословский, Н. [Г.]* Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. – Новгород, 1865. – Вып. 2. – С. 5–153.
2. *Жербин, А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. – Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1956. – 79 с.
3. *Лебедев, К.* Город Валдай и его уезд. Опыт родоупождения / К. Лебедев. – Холм : Тип. Н. Н. Павлова, 1913. – 31 с.
4. *Максимов, С. В.* Города Озерной области // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб. : М. : Т-во М. О. Вольф, 1881. – Т. 1, ч. 1. – С. 461–492.
5. *Мызников, С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2007. – 394 с.
6. *Мызников, С. А.* О некоторых особенностях карельского воздействия на русские говоры Новгородской области // *Humaniora : Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире.* – I. – Тарту, 2010. – С. 165–173.
7. *Свод* материалов, собранных Комиссией по диалектологии русского языка. Сер. 2 : Ответы на программу Комиссии // Труды Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии). – Л., 1931. – Вып. 12. – С. 1–198.
8. *Словарь* карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Карелия, 1994. – 396 с.
9. *Слушаю* карельский говор : Образцы речи дёржанских и валдайских карел / сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 206 с.
10. *Бйиснуу, Я.* 60 лет исследования карельского языка в Эстонии : о научных экспедициях эстонских ученых и студентов на карельские языковые островки // Тверские карелы : история, язык, культура : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования О-ва культуры тверских карел (Тверь, 29–30 окт. 2010 г.). – Тверь, 2011. – С. 104.
11. *Karjalan kielen sanakirja* / Toim. P. Virtaranta. – Osa I. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. – XVI. – 1). – Helsinki, 1968. – 576 s.
12. *Palmeos, P.* Karjala valdai murrak / P. Palmeos. – Tallinn, 1962. – 226 s.
13. *Virtaranta, P.* Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkija. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 266) / P. Virtaranta. – Helsinki, 1960. – 189 s.